

Олег Валерьевич Фомин-Шахов – культуролог, председатель АНО в защиту Традиции и семейных ценностей «Третий Муром», главный редактор портала arthania.ru, арт-директор Международного фестиваля социальных технологий в защиту семейных ценностей «ЗА ЖИЗНЬ», шеф-редактор газеты «Вифлеемский глас»

Культура и сорняки

О государственной культурполитике

Хватает ли нам «культурки»?

Такое, казалось бы, понятное и всем хорошо известное с детства слово, как «культура», в наше время прикладывается к самым различным предметам, меняя свой объем и содержание окказионально, то есть от случая к случаю. Мы говорим то о культуре быта, то о культуре как частичном синониме цивилизации, то отождествляем культуру — вплоть до полной неразличимости — с искусством, вообще творчеством. Археологические культуры, посевные культуры, культура общения, физическая культура, контркультура... Ряд можно продолжить до бесконечности.

Меж тем в Российской Федерации в числе прочих «министерств и ведомств» существует Министерство культуры, и чем оно занимается, всем образованным гражданам нашей страны тоже примерно понятно. Уж явно не посевными культурами и не физкультурой. Целое мини-

стерство занимается вопросами культуры!

В последние десятилетия, однако, и в массовом сознании, и в среде тех, которые этой самой культурой занимаются, доминировало зауженное понимание культуры, с одной стороны, как заповедника «музеев—театров—библиотек», а с другой стороны, как «арт-пространств», где развивается пресловутое *contemporary art*, или, по-русски говоря, «актуальное современное искусство». Роль Министерства культуры при этом в основном сводилась — в той или иной форме — к курированию и «кормлению» чиновников от культуры и собственно творцов. Никакой программы, базирующейся на культурных кодах нашей уникальной культуры-цивилизации, до последнего времени не продвигалось и не проводилось. Вообще усилия, которые предпринимались в этом направлении, были явно недостаточны. О пятой колонне мы еще скажем. Но главная беда не в том, что у нас есть пятая колонна, а в том, что первая,

вторая, третья и четвертая колонны у нас не то чтобы отсутствуют, но маршируют явно не в ногу и, что самое обидное, порою в разных направлениях. Так что же, нам действительно «культурки не хватает»?

От биополитики к культурполитике

Говоря о вопросах культуры, у нас обычно начинают с конца, выдавая за существенное то, что на самом деле является побочным. Рассуждают о продуктах культуры, как будто на пустом месте взявшихся, а не возникших на основаниях именно такой — а не иной — культуры. При этом сами основания культуры остаются некими аксиоматическими умолчаниями. Но, как мы знаем, часто проблемы возникают именно в области умолчаний — поскольку не всегда ясно, что же именно умалчивается.

Иногда просто необходимо начать *ab ovo*, чтобы увидеть если и не тайное незримое, то хотя бы незаметное. Незаметное часто потому только, что лежит на самом видном месте. Сделаем небольшое философское отступление, начав с первого этажа. С бытия, которое, как известно, есть, тогда как небытия нет. Всё сущее в этом мире пребывает в бытии. Пребывает там и культура. Само же бытие пребывает в постоянном становлении. То же происходит и с культурой. Культура — это процесс. Когда культура «стала», она перестает быть культурой. По Освальду Шпенглеру, она становится цивилизацией. В качестве культуры она умирает. Мертвые формы культуры в текущей актуальности нас заведомо не интересуют.

Далее. Вся универсальная полнота бытия может быть разделена на естественное (природа) и искусственное (культура). И то и другое может быть как материальным, так и немате-

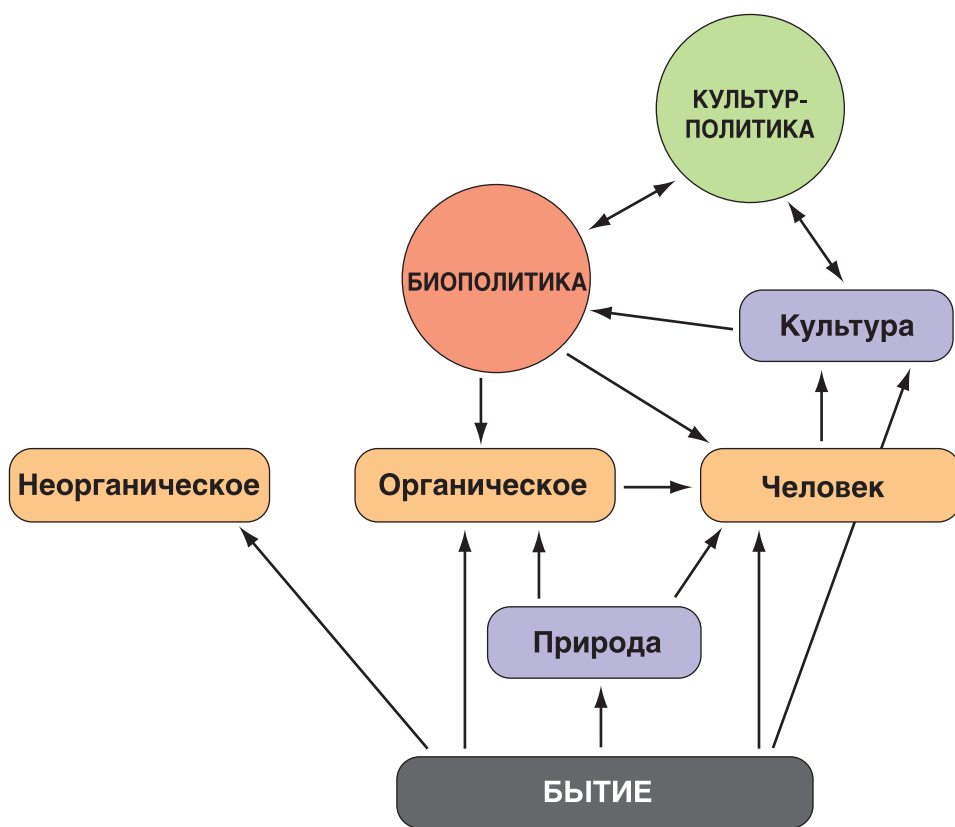

Появление самого понятия «министерство культуры» — очень тревожный знак применительно к культуре. В Античности не было не только министерства культуры, но и самой культуры в ее современном назывном и показном виде. Хранители Александрийской библиотеки очень сильно удивились бы, узнав, что они, оказывается, занимаются культурой. В культуре еще было слишком много от культа.

риальным (духовным). Также естественное может быть неорганическим и органическим. Однако естественное (оно же природное или натуральное) сотворено Богом (или, как полагают материалисты, эволюционировало), тогда как искусственное сотворено человеком. Естественное

органическое является объектом биополитики, и по аналогии с этим следовало бы говорить, что искусственное является объектом культурполитики.

Напомним, биополитика — междисциплинарная наука на стыке биологии, экологии, демографии, этики, социоло-

гии, политики, экономики и военных наук. В современном мире данные, полученные с помощью этой науки (*biopolitics*) используются разного рода учеными экспертами для создания политических прогнозов, разработки законов, информирования и консультирования политиков самого разного ранга, руководителей корпораций, осмысленно проводящих биополитику (*biopolitics*) в интересах стран «золотого миллиарда». Итак, биополитика занимается политическими приложениями жизни в ее биологическом аспекте. Субъектом биополитики является власть, объектом — биос и *par excellence* человек как существо биологическое. По аналогии с биополитикой следовало бы говорить и о культурполитике, занимающейся политическими приложениями жизни в ее культурном аспекте. Субъектом культурполитики является власть, а объектом — человек как творец и труженик. По сути, культура — это и есть

жизнь в ее небитологическом, творческом аспекте. А кто владеет и управляет кодами культуры, тот управляет жизнью страны в полном объеме. Культурполитике как отдельной дисциплине при желании можно дать определение. Культурполитика — междисциплинарная наука на стыке культурологии, этики, социологии, политики, экономики. Культурполитика представляет собой последовательную реализацию средствами политической власти аутентичных цивилизационных (культурных) задач государства. Те же, которые проводят культурполитику, являются своего рода «инженерами человеческих душ». При этом ничего не нужно выдумывать. В самой истории культуры-цивилизации имплицитно заложена вся дальнейшая логика ее развития. Надо лишь распознать ее уникальность и перестать расценивать саму ее как ошибку. Нельзя оценивать слабости и ошибки культуры-цивилизации с точки зрения логики

других культур-цивилизаций. Ее следует оценивать только с точки зрения верности или неверности собственной культурной матрицы, цивилизационной парадигме. И вот эту самородную культуру в ее диком виде как раз и нужно окультуривать и культивировать, чтобы дать раскрыться ее собственным внутренним качествам до конца, а не пытаться насаждать на место самородной культуры внешнюю культуру. В противном случае мы получим псевдоморфоз.

Куль – культура – цивилизация

Появление самого понятия «министерство культуры» — очень тревожный знак применительно к культуре. Субъект не может быть по отношению к самому себе объектом, равно как и объект не может быть по отношению к самому себе субъектом. Это хорошо известно всем тем, которые изучали труды Аристотеля. «Античный аргумент» может быть дополнен не менее античным примером. Культура в греко-римском мире была — но вот министерства культуры не было. Чего, похоже, не скажешь об актуальном положении вещей. Кстати, не только в России, но и во всем мире. При этом во времена античной культуры Плавт не подрабатывал на полставке в римской филармонии, а Фидий не бегал по департаментам и отделам минкульты, чтобы согласовать статую Зевса в Олимпии. То же можно сказать и про все другие культуры — вавилонскую, египетскую, византийскую, индийскую, китайскую и т.д. Но важно даже не это. Важно то, что увидеть и описать явление можно, лишь оказавшись вне его. В Античности не было не только министерства культуры, но и самой культуры в ее современном назывном и показном виде. Хранители Алек-

сандрийской библиотеки очень сильно удивились бы, узнав, что они, оказывается, занимаются культурой. В культуре еще было слишком много от культа. То же можно сказать и о другой — более близкой к нам по времени — культуре — западноевропейской, или «фаустовской». Западноевропейская культура порождает само это понятие в привычном для нас смысле (а не в значении «возделывание») только на своем закате — в конце XVIII века.

Если говорить об истории бытия в культурологическом аспекте, то станет ясно, что культуры как живые организмы проходят определенные стадии развития.

Точно так же, как в онтологическом, антропологическом и социологическом аспектах, согласно парадигмальной схеме Александра Дугина, последовательно сменяют друг друга Традиция (Премодерн), Модерн и Постмодерн, в культурологическом аспекте последовательно сменяют друг друга культ, культура и цивилизация. (Подобную «расширенную версию» шпенглеровской модели мы встречаем у двух столь разных современных культурфилософов, как Владимир Мартынов и Владимир Микушевич.)

Парадигмальные схемы «Традиция—Модерн—Постмодерн» и «культ—культура—цивилизация» не синхронны, но типологически изоморфны и сходны по вектору развития. Еще раз подчеркиваем, речь не идет о каком-то «формационном» историческом процессе в духе классического марксизма с его линейной эволюционно-поступательной интенцией. Речь о парадигмальных формах, которые типологически последовательно проявляются в разных культурах в разные эпохи.

Культ — это время, предшествующее началу культуры,

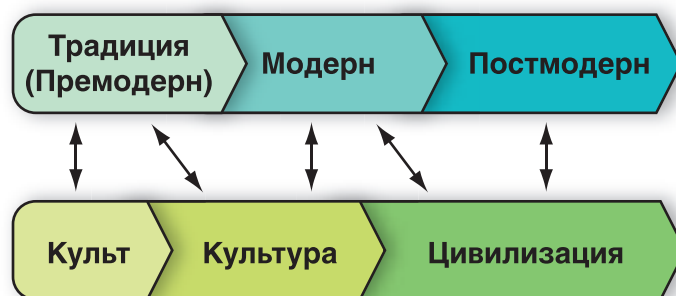
архаика. «Се, творю всё новое» (Откр. 21:5). Это и есть то самое «время оно» (*illo tempore*), мифическое время, о котором говорил историк религии Мирча Элиаде. Это то время, когда культурный герой в первый раз (для-всех-в-первый-раз) убил дракона, впервые встретил женщину, впервые вспахал землю... Собственно о культуре здесь говорить не приходится, иначе, как утверждает Владимир Микушевич, нам пришлось бы признать, что у ангелов тоже есть своя культура. Культ в конечном итоге совпадает с парадигмой традиции. Но традиция шире. Культура как процесс представляет собой переход от парадигмы Традиции к парадигме Модерна. И в этом отношении она есть явление, скажем осторожно, сопутствующее уходу всего духовного из мира. Однако сама по себе культура не является причиной выхолащивания духа, низведения метафизического до морального. Более того, культура консервативна, однако в том самом смысле, в каком консервативное не является традиционным. Ведь не всякая консервация есть вектор в направлении некоего духовного истока.

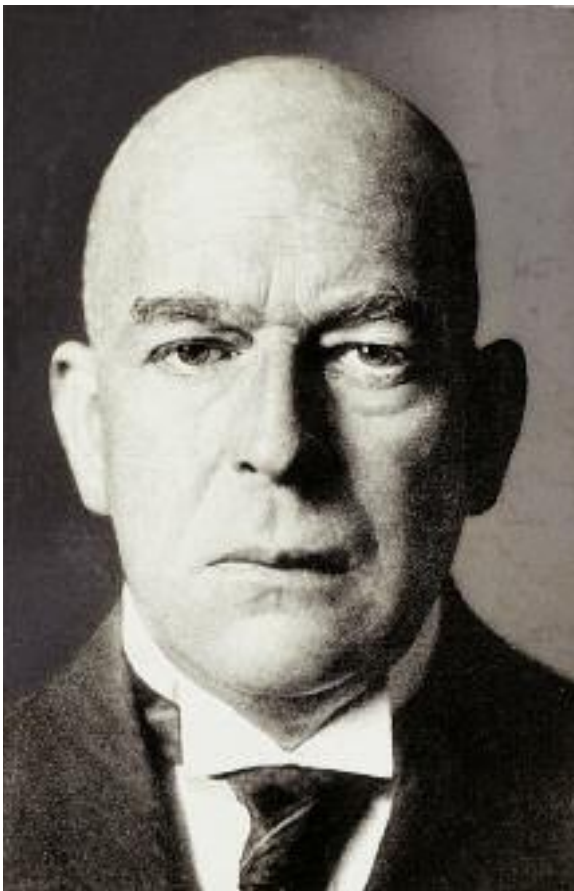
Культура занята возделыванием человека. Ей присуща антропоцентрическая динамика. Она радуется не о «жизни будущего века», а о происходящем *hic et nunc*. При этом она вовсе не в антагонизме с культом. Более того, она его обслуживает в тех аспектах, которые касаются имманентного устройства.

Культура представляет собой процесс передачи духовного и материального наследия в объятия новых поколений. Культура — это связь поколений, подобно тому как религия — связь человека с высшим, трансцендентным. Культура была бы полностью тождественна Традиции, когда бы в ней не было устремленности к новому, к отличному, к изменению, особенно в их просветительском аспекте. Культура была бы полностью тождественна Модерну, когда бы в ней не было иррациональной бескорыстной любви к бессмысленной красоте.

Цивилизация как финал культуры, трансгрессивный ее переход в иную фазу частично принадлежит парадигме Модерна, а частично — парадигме Постмодерна. Цивилизация уже ничего действительно нового не порождает (только «новенькое»), не развивается в каком-либо направлении, разве что хаотически, ризоматически. Всё что она может — это создавать калейдоскопические коллажи из фрагментов обветшавших и обрушившихся культа и культуры.

Состояние культуры общества парадигмы Постмодерна довольно точно описывается как ризома. Еще в 70-х годах прошлого столетия об этом писали философы-постмодернисты Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Ризома — корневидная структура, хаотически ползущая и развивающаяся во всех направлениях. Это фактически не культура в значении «того,

Столп науки о культуре, Освальд Шпенглер (на фото), полагал, что культуры, закатываясь, превращаются в цивилизации – своего рода посмертные маски с культуры.

что возделано», это культура в значении «что выросло – то выросло».

В поисках культурной идентичности

Мы постоянно слышим о каких-то «общечеловеческих ценностях» и «общечеловеческой культуре». Но действительно ли они так уж универсальны – эти «общечеловеческие» ценности и культура? И так ли уж Россия нуждается в них? Ведь по Достоевскому, «русский человек – всечеловек». Так зачем же нам потребовалась еще какая-то дополнительная «всечеловечность», тем более если она включает в себя осквернение храмов, содомизацию, секспросвет и легализацию педофилии, ювенальные техноло-

гии отъема детей по ничтожному поводу у вполне благополучных семей?

Россия – Европа?

Столп науки о культуре, Освальд Шпенглер, которого мы еще не раз процитируем, полагал, что культуры, закатываясь, превращаются в цивилизации – своего рода посмертные маски с культуры. Главный труд Шпенглера называется «Закат Европы» (буквально «Закат Запада» – *Der Untergang des Abendlandes*). Еще 100 лет назад Шпенглер считал, что культура Европы закатилась, а будущее – за только еще нарождающейся девятой, как он ее называет, русско-сибирской культурой. Вряд ли что-нибудь лестное он сказал бы о сегодняшней «культуре» Европы. Слава богу, что он не дожил до этих похорон. Как же нам на эту «культуру» ори-

ентироваться? Цивилизацией ее можно назвать, культурой – ни при каких обстоятельствах. Пусть мертвые погребают своих мертвецов. Россия не Европа. И слава богу, что она не Европа.

Выдающийся историк Николай Данилевский писал: «Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное <...> ее интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны. <...> Если невозможно и вредно устранить себя от европейских дел, то весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей особой русской точки зрения, применяя к ним как единственный критерий оценки: какое отношение может иметь то

или другое событие, направление умов, та или другая деятельность влиятельных личностей к нашим особенным русско-славянским целям; какое они могут оказать препятствие или содействие им? К безразличным в этом отношении лицам и событиям должны мы оставаться совершенно равнодушными, как будто бы они жили и происходили на луне; тем, которые могут приблизить нас к нашей цели, должны всемерно содействовать и всемерно противиться тем, которые могут служить ей препятствием, не обращая при этом ни малейшего внимания на их безотносительное значение – на то, каковы будут их последствия для самой Европы, для человечества, для свободы, для цивилизации. Без ненависти и без любви (ибо в этом чуждом мире ничто не может и не должно возбуждать ни наших симпатий, ни наших антипатий), равнодушные к красному и к белому, к демагогии и к деспотизму, к легитимизму и к революции, к немцам и французам, к англичанам и итальянцам, к Наполеону, Бисмарку, Гладстону, Гарибальди – мы должны быть верным другом и союзником тому, кто хочет и может содействовать нашей единой и неизменной цели. Если ценой нашего союза и дружбы мы делаем шаг вперед к освобождению и объединению славянства, приближаемся к Царьграду – не совершенно ли нам все равно, купятся ли этой ценой Египет Францией или Англией, рейнская граница – французами или вогузская – немцами, Бельгия – Наполеоном или Голландия – Бисмарком. <...> Европа не случайно, а существенно нам враждебна; следовательно, только тогда, когда она враждует сама с собой, может она быть для нас безопасной. <...> Именно равновесие политических сил Ев-

ропы вредно и даже губельно для России, а нарушение его с чьей бы то ни было стороны выгодно и благодетельно. <...> Нам необходимо, следовательно, отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами».

Мыслям Данилевского о том, что Россия не Европа, удивительно вторит всё тот же Шпенглер: «Тяга к святому югу, к Византии и Иерусалиму, глубоко заложенная в каждой православной душе, обратилась светской дипломатией с лицом, повернутым на Запад. За пожаром Москвы, величественным символическим деянием народа, в котором нашла выражение маккавейская ненависть ко всему чуждому и иноверному, следует вступление Александра в Париж, Священный союз и вхождение России в «европейский концерт» великих западных держав. Народу, предназначенному которого было еще на продолжении поколений жить в собственной истории, была навязана искусственная и неподлинная история. Всё что возникло вокруг с самой той поры воспринималось подлинной русскостью как отравы и ложь. Настоящая апокалипсическая ненависть направляется против Европы. <...> Не существует большей противоположности, чем русский и западный, иудеохристианский и позднеантичный нигилизм: ненависть к чуждому, отравляющему еще не рожденную культуру, пребывающую в материнском лоне родной земли, — и отвращение к собственной, высотой которой человек наконец пресытился. <...> То, что придало этой (Октябрьской. — О.Ф.-Ш.) революции ее размах, была не ненависть интеллигенции. То был народ, который без ненависти, лишь из стремления исцелиться от болезни уничтожил западный мир руками его

Европа. Фрагмент гравюры 1792 года

Пусть мертвые погребают своих мертвецов. Россия не Европа. И слава богу, что она не Европа.

же подонков, а затем отправит следом и их самих тою же дорогой».

Так нужно ли провоцировать наш народ, навязывая ему несвойственные ему ценности? Европейская культура глубоко противна душе русского народа отнюдь не из-за присущих ему невежества и кровожадности, как об этом нам пытаются не то чтобы напрямую говорить, но многозначительно умалчивают — единственное, что они хорошо умеют делать, — всякого рода грантозависимые герои кабинетного труда. Европейская культура исходит из индивидуалистического «кляйне майн» (нем. *kleine mein*). Мой садик, мой городок, моя машинка и т.д. «Это не моя проблема», «это не твоя проблема» — выражения,

которые за последние 20 лет, к сожалению, проникли и в русскую культуру. «Кляйне майн» — это внутренняя инвектива частной собственности и как ее крайнее проявление — фашизм, идеология озверевшего буржуа, доведшего по собственной воле демократию до ее конечной формы — диктатуры. Именно «кляйне майн» представляет собой мироощущение Европы, глубоко отвратительное русскому человеку с его общинностью, космичностью, соборностью, бытием сквозь бескрайнюю ширь. Русский коммунизм в этом отношении тоже очень далек от западного марксизма. Его историческое воплощение в России было классической псевдоморфозой, где за фасадом

Азия. Фрагмент гравюры 1792 года

...Россия и не Азия в своих культурных основаниях. Среди абсолютных ценностей нашей культуры есть такая ценность, как правда. Ничего аналогичного нет ни в Европе, ни в Азии.

марксистской риторики скрывался главный мотор русской культуры — апология труда и мечта о всеобщем братстве.

Россия — Азия?

Всё тот же Шпенглер утверждает: «Россия — госпожа Азии. Россия и есть Азия».

Ему вторит Арнольд Тойнби, которого так любят наши либеральные философы, но здесь он явно не на их стороне: «Роль России в истории — служить лидером в общемировом движении сопротивления общемировой современной агрессии Запада».

Слову «Азия» почему-то часто любят придавать пейоративный оттенок. У всякого слова существуют коннотации — своего рода семантический ореол, который слово приобретает от употребления в том или ином контексте. Например, слова «москаль», «хохол», «жид», «лях», изначально не имеющие никакой негативной оценки и означающие только этническую или конфессиональную принадлежность, многократно употребляясь экспрессивно, с ненавистью, постепенно становятся словами бранными и оскорбительными.

Что-то подобное произошло и с «Азией», ставшей с легкой руки всякого рода шовинистов от западной культуры синонимом чего-то если и не невежественного, то отсталого, варварского, «нецивилизованного».

При этом забывается, что величайшие культуры родом из Азии. Оттуда же родом и все мировые религии.

Проблематично деление на Европу и Азию. Сегодня их границей полагают восточные склоны Уральских гор. Однако древние греки считали, что Азия начинается гораздо западнее — примерно в середине Средиземного моря. И тогда, грубо говоря, получается, что на севере — это граница между славянским и германским мирами. «Грубо говоря» — поскольку самих германцев и славян в их современном виде не было, были их прапредки, участвовавшие в этногенезе этих будущих народов. По крайней мере, существовали сами «месторазвития» (в

дефинициях геополитика Петра Савицкого) славянской и германской общностей и соответственно граница между ними, которая древними и воспринималась как граница между Европой и Азией. Позже границу отодвинули на восток. Согласно Птолемию, граница между Европой и Азией — Керченский пролив и река Дон (Танаис). «Меотийское болото» потому и получило название «Азовского моря», что стало связываться с Азией. Получается, русская государственность и русская культура развивались именно в азиатских пределах. Что же касается передвижки границы между Европой и Азией к Уральскому хребту, это совершенно бессмысленный, произвольный и механицистский конструкт немецкой науки XVIII века, загнавшей непонятное ей явление в прокрустово ложе привычных понятий.

И всё же Россия не Азия в своих культурных основаниях. Среди абсолютных ценностей нашей культуры есть такая ценность, как правда. Ничего аналогичного нет ни в Европе, ни в Азии. Для Европы правда — это всегда либо истина (в значении неложь), либо правда, либо справедливость. Это слово непереводаемо буквально на европейские языки. Для европейца непонятно, что означает русское выражение «сила в правде», и непонятно, как, например, истина может быть неправдой. Для Азии понятие «правда» тоже недоступно, поскольку азиатская культура в основании своем метафизична. Весь мир для азиата — «божественная игра». Китайское «дао» (путь), индийские «рита» (порядок) и «дхарма» (устой, долг) иногда сопоставляют с русской «правдой». Но это понятия всецело метафизические, в них нет ощущения драмы. Сколь бы трагически ни разворачивались со-

бытия в мире, всё и так вернется в лоно божества. Это внутреннее мироощущение азиата. Русский же при всей осознанности «правды» как чего-то святого и небесного по происхождению видит по-иному свое участие в ней. Добродетельный азиат, исполняя дхарму или следуя дэ, отстает от них невовлеченно, ибо от его воли ничего не зависит. Но в русской культуре мир предстает ареной, где разворачивается противостояние «правды» и «кривды», где человек волен занять ту или иную сторону — и во многом от его решения будет зависеть, что произойдет со всем миром. Этого нет ни в Европе, ни в Азии. Выправлением всех вещей в мире и должна быть занята русская культура. В конечном итоге — она и есть правда.

Вероятно, идея противостояния «правды» и «кривды» уходит корнями в иранский дуализм. Возможно, она была на определенном этапе воспринята скифскими и сарматскими племенами, имевшими, согласно некоторым ученым, иранские корни и участвовавшими в этногенезе русского народа. Но здесь мы уже удаляемся в область гипотез.

Россия — Евразия

Евразийцы утверждают, что Россия — политическая преемница империи Чингисхана, Золотой Орды и культурная наследница Восточной Римской империи — Византии.

Это верно до некоторой степени. Положительное культурное наследие Золотой Орды, конечно, сказалось и вобретении нами станового хребта, и в нашей имперской терпимости к другим верам и культурам. Именно терпимости, а не толерантности. Однако дело в том, что культурная идентичность России складывалась скорее как ответ на мощнейшие культурные и ци-

вилизационные вызовы ее соседей. Можно говорить о том, что монголы оставили нам форму, в которую, освященная византийским православным духом, втекла русская субстанция: глина — или, точнее, квашня — «мать сыра земля», русский космо-психо-логос, согласно культурфилософу Георгию Гачеву. Но запекать этот хлеб культуры нам пришлось уже самостоятельно — в староверческих горях, в петровской и в большевистской псевдоморфозах.

Россия в культурном отношении Евразия примерно в том же смысле, в каком ей была Византия. Ведь если столица Восточной Римской империи — Константинополь — и находилась на европейской стороне Босфора, как и значительная часть ее владений, то другая часть ее территорий в лучшие времена простиралась на Восток, включая Малую Азию и другие земли. Двуглавый орел, смотрящий одной головой на Восток, а другой на Запад, — это ведь именно византийский герб, перенятый нами у империи ромеев при *translatio imperii* от Второго Рима (Константинополя) к Третьему Риму (Москве). Небезлюбопытно, что двуглавого орла мы встречаем и на золотоордынских монетах. Данное обстоятельство говорит нам о том, что ордынцы тоже понимали этот символизм и пользовались им вполне сознательно.

Говоря о том, что российская культурная идентичность складывалась в ответ на вызовы с Востока, с Запада, с Юга, мы хотим подчеркнуть именно то, что Россия является Евразией не просто в смысле Европа + Азия, а в смысле не-Европа и не-Азия. Россия самостоятельная культура. Как точно и блестяще выразился Владимир Путин: «Россия не между Востоком и Западом, это они слева и справа от Рос-

сии». Критикам концепции «Россия — не Европа» следует пока не поздно повесить эти слова в рамочке на стене своего кабинета, так чтобы всегда были перед глазами.

Наше

Наша главная, подлинная, не национальная даже, а культурно-цивилизационная идея — правда. Вовлеченное исполнение должного, деятельное искоренение кривды. Русские призваны сеять правду в мире, но не огнем и мечом, а притягательностью своего культурного проекта, данного в личном примере. Можно бесконечно много говорить о том, в чем же эта правда. Но сама правда выше определения — как Бог или добро. Наш уникальный культурный код — во всечеловечности без принуждения к унификации. В универсальности без индифферентного космополитизма. В соборности без греющей, но безмысленной стадности. Наш социализм глубоко природен. Его корни в нашем общинном укладе, восходящем, в свою очередь, к христианской общине. Наша правда в предельной значимости нашей культурной миссии в мире, наша неслучайность, исключительность и, если угодно, промыслительная избранность — быть «градом ограждения», последним — Третьим — Римом, призванным объединить всё человечество, просветить его светом Христовой истины.

Другая наша культурно-цивилизационная идея — созидательный творческий труд, космическая годовая литургия труда, круг народов-тружеников во главе с русским народом, умеющим любить другого без ненависти к своему и умеющим любить своего без ненависти к другому. «Русская лень» так же, как и «русское пьянство», — это клевета на русский народ тех, которые сами же загнали его в глубо-

чайшую депрессию, когда труд превратился в тягостную и нежеланную работу, а единственным средством забыться стал хмель. Наш народ — Микула Селянинович, а не пьяный туляец в ватнике. Наш подлинный труд — теургийный, творчески преображающий мир. Дайте русскому человеку любимый труд — и он будет счастлив! Для большинства русских, даже если они забыли об этом, таким трудом является труд на земле, которую людям просто надо дать для возделывания, без возможности перепродажи, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Всё это очень хорошо можно устроить с помощью законодательного инструментария. Россия для всего мира может стать заповедником так ныне востребованной повсеместно «естественной еды» (англ. *organic food*). Столь ныне популярная пермакультура может идеально лечь на наше почтительное отношение к земле. Только подлинный труд породит, воскресит на самом деле самородную русскую культуру с ее хороводами, аграрными календарными праздниками, обычаями. И тогда уже никакое Министерство культуры не понадобится, чтобы что-то искусственно выводить или насаждать — подобно фальшивым деревцам и бумажным цветам, «чтоб было». А города необходимо расселять. Нам нужна деурбанизация и внутренняя колонизация Сибири. Это и будет шаг к той русско-сибирской культуре, о появлении которой говорил Шпенглер. Причем всё сказанное никак не отменяет высококвалифицированного городского труда. Уклады могут взаимопроницать друг друга. Сегодня существует масса интересных биополитических проектов по сосуществованию города и деревни. Просто на проживание в городах, осо-

бенно в крупных, должен быть объявлен своего рода профессиональный ценз. В век высокоскоростного Интернета чиновникам, экспертам, специалистам с их семьями обязательно постоянно находиться в городах, если их работа не требует их вовлеченного участия.

Но это не просто созидательный труд многих народов — это семейная трудовая экономика. Замечательный мыслитель, по сути, создатель крестьяноведения, незаслуженно забытый у нас, Александр Чаянов говорит о русской экономике как прежде всего аграрной, причем не капиталистической и не социалистической, а семейно-трудовой. В частности, Чаянов пишет: «Факт тесной связи между размерами семьи и объемом ее хозяйственной и даже сельскохозяйственной деятельности считать статистически совершенно установленным. Не размер семьи определяет объем хозяйственной деятельности семьи, а наоборот, размеры, скажем, земледельческого хозяйства определяют собою состав семьи. Говоря иначе, крестьянин обзаводится семьей сообразно размерам своего материального обеспечения. Многие демографические исследования европейских ученых отмечали факт зависимости рождаемости и смертности от материальных условий существования и ясно выраженный пониженный прирост в малообеспеченных слоях населения. В то же время известно также, что во Франции практическое мальтузианство наиболее развито в зажиточных крестьянских кругах (то есть регулировать рождаемость более склонны богатые, нежели бедные. — *О.Ф.-Ш.*)».

Может показаться, что мы говорим не о культуре, а об экономике. Но одно здесь немислимо без другого. Когда речь

идет об укладе, мы сталкиваемся с целостностью, неразъемностью типа хозяйствования и культуры. Поэтому решать вопросы, связанные с укладом, следует не аналитическим, а синтетическим образом.

Поскольку культовой основой нашей культуры является православие, то сама эта культура, если говорить о стороне не метафизической, а сугубо посясторонней, с неизбежностью должна быть основана на традиционных семейных ценностях.

При этом подчеркнем, православная культура не тождественна православной религии. У нас светское государство, и никто не вправе навязывать гражданам то или иное религиозное мировоззрение. Однако православная культура представляет собой неписанные правила и нормы, проистекающие из нашей уникальной идентичности. А вот эти неписанные правила и нормы являются таковыми уже не только для православных, но и для всех граждан страны, и в этом нет ничего «тоталитарного». К примеру, ни для кого не секрет, что правовые нормы во всех так называемых цивилизованных странах проистекают из религиозных заповедей и запретов, однако же ни общество, ни даже преступники-атеисты не спешат объявить суд «религиозным фарсом», поскольку, дескать, заповеди «не убий» и «не укради» писаны для верующих. Закон одинаков и для людей религиозных, и для атеистов. Поэтому нет никаких препятствий, например, чтобы преподавать в российских школах основы православной культуры. Те же, которые противодействуют этому, желали бы видеть на месте России много маленьких швейцарий с европейской культурой. Но Россия не Швейцария.

Боле того, Россия, благодаря православию, хранит многие

Фрагмент трона Ивана IV

Россия в культурном отношении Евразия примерно в том же смысле, в каком ей была Византия. Ведь если столица Восточной Римской империи – Константинополь – и находилась на европейской стороне Босфора, как и значительная часть ее владений, то другая часть ее территорий в лучшие времена простиралась на Восток, включая Малую Азию и другие земли.

из тех культурных ценностей, которые прежде были присущи западной культуре-цивилизации.

Речь идет в первую очередь о традиционных семейных ценностях. Основные из них:

- ◆ чадородие и многодетность;
- ◆ святость человеческой жизни от зачатия до естественной смерти (не только запрет абортов и abortивной контрацепции, но и воспитание в обществе глубокого отвращения к ним);
- ◆ половозрастная иерархия, подразумевающая вежливость, уважение к старшим, защиту младших, главенствующая роль мужчины-воина, мужчины-труженика в обществе, почитание женщины-матери, «рыцарское» отношение к женщине, нелицемерная любовь к детям и забота о них не только со стороны родителей и профессиональных воспитателей, но со стороны всего общества;

◆ целомудрие и супружеская верность;

◆ знание и культ родословной.

Таким образом, если в случае культуры труда речь шла об укладе, то в случае культуры семьи речь идет об устое.

Подводя итог, можно сказать, что нарождающаяся русская культура зиждется на трех главных столпах – правде, труде и семье. Это самоочевидные вещи, которые приходится доказывать только потому, что наше общество глубоко больно, отравлено национал-предателями и в этом страшном бреду не узнает свое и целует пагубное чужое.

Огонь по штабам!

Сегодня обремененные научными степенями заседатели ученых советов твердят о культуре, которую они собираются привить «обществу» (таких же, как они, потерянных и космополитичных горожан),

причем подразумевая именно *par excellence* западноевропейскую культуру. Это чистое издательство, возможное со стороны дармоедов с профессиональным философским образованием лишь в эпоху Пост-модерна. Жалкое и эйдетически, и по формальным признакам искусство, превращение живой теургической ткани творческого бытия в бесконечный шопинг в тотальном супермаркете «услуг на рынке культуры», юридически выключенное и выторгованное дозволение под видом «культурной нормы» цвести самым гнусным порокам и перверсиям, от которых тошнотворно пахнет в прямом и переносном смысле, — вот что такое эта «европейская культура».

Немного отступив от темы, хочу проиллюстрировать свои нелестные замечания в адрес «профессиональных философов и культурологов», с которыми знаком отнюдь не понаслышке, одним маленьким, но разительным примером. Еще в студенческие годы один мой очень близкий знакомый, впоследствии сделавший научную карьеру и ставший уважаемым человеком в Институте философии РАН, буквально трясясь, сжав кулаки и выпучив глаза, кричал: «Я никогда не буду заниматься физическим трудом! Я всё сделаю, чтобы не стать дворником, как это было! Я готов что угодно для этого делать». Имя этого человека не буду называть по этическим соображениям.

Однако не один этот господин думает так. Это клановый образ мысли. Во всей этой среде процветают клановость и кумовство по принципу причастности к иностранной кормушке. Как же еще их называть, как не социальными паразитами, присосавшимися одновременно к государственному бюджету и к западным грантам? Совершенно очевидно, что второе обстоя-

тельство предполагает обслуживание западных интересов и в конечном итоге сдачу национальных интересов России во имя собственных шкурных интересов. «Топ-эксперты и топ-профессионалы» — это всегда потенциальные предатели, что хорошо известно из базовых основ менеджмента. Причем количество денег, затраченных на любые их поощрения со стороны государства, никак не сказывается на их мотивации. Они всё равно себя чувствуют незаслуженно обделенными, обойденными вниманием, почетом, материальными благами. Это люди с большим опытом и маленькой мотивацией. Практически весь этот клан в его нынешнем виде необходимо подвергнуть если не санации, то самым жестким проверкам на лояльность интересам России.

Едва ли не единственное приятное исключение из этого правила на сегодняшний день — соцфак МГУ, где стараниями декана Владимира Добренькова и завкафедрой социологии международных отношений Александра Дугина проводится высококвалифицированная подготовка патриотических кадров для будущей России. Причем, разумеется, это не просто будущие чиновники и эксперты по международным отношениям. Растет и воспитывается государственно-строительная смена очень широкого профиля. Так что места профессиональных философов, культурологов и чиновников от культуры не будут оставаться вакантными.

Прочие представители пятой колонны

Что касается собственно «творческих личностей», превративших искусство в рупор, откуда в явной или не очень явной форме извергаются деструктивные для государства,

религии, семьи «теги», «мемы» и т.п., то со стороны государства даже малейшие попытки репрессий в их отношении были бы крайне неосмотрительными. Репрессии из людей душетленных и нравственно никчемных сделают едва ли не мучеников. У нас любят мучеников. Ведь как раньше часто бывало? Даже если страшного преступника казнят, все ему сочувствуют, переживают. Поэтому пятую колонну в культуре нельзя репрессировать. На них должен быть направлен общественный остракизм, бойкот их произведений культуры, осмеяние, идущее снизу, хотя и направляемое государством. Таким «деятелям» должно быть отказано во всяческих бонусах и преференциях точно так же, как это было по отношению к патриотическим деятелям культуры в 90-е. Им должен быть ограничен доступ на центральные каналы ТВ. Всеми силами им нужно давать понять, что они — лишние в новой России.

При этом нужно отдавать себе отчет, что поколение 80–90-х, выбравшее «пепси», почти полностью испорчено, растлено навязанными извне неаутентичными культурными ценностями и нормами. Возвращение к традиционным ценностям отпугнет поколение «пепси», выбравшее «тусовку», несвязанный с какой-либо ответственностью «безопасный секс» и бесконечный бессмысленный интернет-сёрфинг. Держа в виду это обстоятельство, в культурной политике следует действовать с крайней осторожностью. Это поколение, исправно подпитывающее белоленточное движение человеческим ресурсом, уже почти не перевоспитываемо. Что делать с целым поколением — уже другой вопрос. Но этому поколению не нужно ничего, кроме вседозволенности.

При этом особую угрозу для российской государственности в культурном и политическом отношениях представляет неоязычество, становящееся год от года всё более антихристианским, антигосударственным и агрессивным. Появилось уже третье испорченное поколение. Это давно не те, которые из юношеского конфликта «отцов и детей» ушли в «секту», «раскрестившись» или отринув атеизм своих родителей. Тех мы проморгали 20 лет назад. Народились язычники, у которых не только родители, но и дедушки с бабушками являются таковыми. А наш народ чтит «традицию» и готов за нее умирать. Даже если это такая вот псевдотрадиция. Что же, Владимиру заново крестить Русь? Аутентичную традиционную славянскую культуру приватизировали манипулируемые из-за рубежа экстремисты, ставящие своей целью свержение не устраивающего их государственного устройства и уничтожение православия как якобы «чуждой веры еврейского народа». Поэтому крайне необходимо просвещать молодежь, работать с ней через патриотические, исторические клубы, клубы исторической реконструкции, которые должны быть под государственным надзором и ни в коем случае не становятся прибежищами для всякого рода антигосударственных «волхвов всеславьевичей», следить за тем, чтобы там не пускало свои поганые поросли неоязычество. Неоязычество крайне опасно и разрушительно для нашей культуры, поскольку оно основано на шовинистическом противопоставлении нашей этнической культуры другим этническим культурам России. Язычество — это религия рода и народа в узком смысле. Если ты другого цвета кожи или родился где-то в другом месте, то ты чу-

Константин Васильев. Вольга и Микула

Наш народ – Микула Селянинович, а не пьяный тунеядец в ватнике. Наш подлинный труд – теургийный, творчески преобразующий мир. Дайте русскому человеку любимый труд – и он будет счастлив! Для большинства русских, даже если они забыли об этом, таким трудом является труд на земле, которую людям просто надо дать для возделывания, без возможности перепродажи, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

жак, враг, в лучшем случае турист, что с неизбежностью ведет к сепаратизму. Однако если полностью задавить те положительные моменты культуры, которые сохраняются в среде, где чтят наши народные традиции, это будет чревато тем, что неподконтрольное государству движение будет не просто оппозиционным, а экстремистским. Это пример-

но тот же контингент, который лег в основу «Правого сектора» на Украине. Этнонационализм в культуре — это очень опасный путь, ведущий к утрате не только территорий нашего государства, населенных другими этносами, но и к утрате собственных — исконно русских — территорий. Так называемые Залесская республика, Ингерманландия, Сибирская

Вольготта, культура народа Мера, казачий сепаратизм — все эти «культурные» начинания государство обязано душишить в самом начале ради нашего всеобщего русского будущего.

Культурполитика: цели, задачи, методы

Нет смысла говорить о целях и задачах культуры, ибо культура, подобно цветам, без цели рождается, радует наши органы чувств и без цели умирает. Нет у культуры и имманентно присущих ей задач. Все задачи культуры акцидентальны и волевым усилием в нее инкорпорированы, «вчитаны». Имеет смысл говорить лишь о целях и задачах культурполитики.

Единственная и главная цель культурполитики — сделать народ подлинно счастливым, предоставить народу возможность для духовной и творческой самореализации.

Главной — но не единственной — задачей культурполитики является воспитание поколений. Если чем и должно заниматься Министерство культуры, то именно воспитанием. Не просвещением, которым должно заниматься Министерство образования, а именно воспитанием. Причем не только детей, но и взрослых. Воспитанием нравов, воспитанием вкусов, культурных привычек. Поэтому необходим государственный патернализм в вопросах культуры. Нам, пожалуй, скажут: так это же прямой путь к «Культуре Два», как ее называет Владимир Паперный. Может быть. Но это в любом случае культура и культура аутентичная.

Напомню, Паперный в своей работе «Культура Два» говорит, что есть два типа культуры — «Культура Один» и «Культура Два». В качестве примера «Культуры Два» Паперный рассматривает сталинскую архитектуру. Условно говоря,

«Культура Один» — это обычная, зависимая от внешних влияний, текучая культура, а «Культура Два» — это культура застывшей вечности.

Мы не будем оправдываться перед теми, которые пожелают нас обвинить в воспеании тоталитарных идеалов и ценностей. Но, буде таковые сыщутся, мы им всего лишь напомним, что настоящая культура — это всегда самоограничение. И чем выше культура, тем выше степень этого самоограничения. «Само» — относится к самой культуре, разумеется. Но и сама свобода рождается из ограничений. Свободу не следует путать со вседозволенностью. Любая подлинная, аутентичная культура — это именно система запретов. Из мнимой, ложно понятой свободы проистекает культурная деградация, цветет «дегенеративное искусство».

Если всё же государство принимает участие в культуре, то следовало бы понять, каким же именно образом? Ведь культура — это по определению нечто возделанное, а не дикое. А культурам мешают сорняки, от которых нужно избавляться. Если продолжать эту агрометафору, быстро растущие сорняки дают тень и не дают культурным растениям развиваться, поэтому их нужно пропалывать. Однако прополка — не всегда лучшее решение. Сорняки дают гумус, делают землю плодородной. Поэтому в ряде случаев применяется так называемое мульчирование — своего рода фильтр для всходов. Практик пермакультуры Зепп Хольцер использует специальную пленку, через которую культурные растения прорастают, а сорняки — нет. По сути, применение «эффекта Хольцера» должно стать главным инструментом культурполитики. Государству необходимо накрывать возделываемое им поле культуры

пленкой бонусов и преференций, помогающих развиваться самородным явлениям русской культуры, основанным на трех ее столпах — правде, труде, семье. Без таковой поддержки сорняки всё равно будут расти, но они уже не смогут удушить культуру. Такие явления, например, как поп-музыка или галерейное *contemporary art* никуда не денутся, у них и так слишком серьезная финансовая подпитка со стороны либо «бизнесменов от культуры», либо западных кураторов. Но пленка преференций, если продолжать всё тот же пример, не позволит поп-музыке в ее нынешнем виде доминировать на телевидении и радио, а всякого рода галерейщиков, привечающих так называемых художников, которые толком-то и рисовать не умеют, разве что «проводить акции», издеваясь над чувствами верующих, вообще всем добрым, чистым и светлым, максимально удалит от каких бы то ни было рычагов управления в российской культуре. Некоторые шаги в этом направлении уже приняты, но их явно недостаточно. Этим господам должно стать неуютно не только из-за протестов возмущенных граждан. Однако «эффект Хольцера» должен коснуться, конечно, не только поп-музыки и *contemporary art*, но и всех сфер культуры — от культурного наследия до культуры общения. России необходима не культурная самоизоляция, а культурная автаркия (самодостаточность). Культурная автаркия подразумевает предельную открытость нашей культуры вовне и закрытость вовнутрь. Ценности нашей культуры должны всячески позиционироваться и продвигаться за рубежом. Что же касается зарубежной — в первую очередь западной — культуры, к ней должен быть применяем «эффект Хольцера». Явления

западной культуры ни в коем случае не следует запрещать, чтобы не создавать вокруг них незаслуженного ажиотажа. Нельзя дважды — если не трижды — наступать на одни и те же грабли. Но в самом контексте нашей культуры эти явления должны либо теряться, либо вызывать в самых широких слоях общества отторжение. И напротив, мы должны всячески поддерживать российские культурные программы за рубежом, проводить «дни русской культуры», поощрять изучение русского языка, всегда подразумевающее культурную вовлеченность и симпатию по отношению ко всему происходящему в России. Знакомя иностранцев с нашей культурой, мы тем самым приобретаем потенциальных союзников.

Желая обратить вспять те негативные процессы, которые последнюю четверть века происходили в русской культуре, нам необходимо распахнуть окна Овертона в противоположную сторону. Джозеф Овертон, в честь которого и названы эти «окна», предложил социальную технологию, позволяющую путем работы изнутри общества постепенно и последовательно перевести немислимое в радикальное. И далее: радикальное — в приемлемое, приемлемое — в разумное, разумное — в популярное. Наконец, популярное — в политическую норму. Тот или иной политик только принимает якобы естественным образом назревшую в обществе идею или явление. И сегодня окна Овертона должны быть в нашей культуре не захлопнуты, а раскрыты в противоположную сторону. Общество должно последовательно принять те ценности и нормы, от которых оно под воздействием агентов изменения последовательно отказалось. Кто же будет субъектом такого «исправления нравов»? Как

Россия, благодаря православию, хранит многие из тех культурных ценностей, которые прежде были присущи западной культуре-цивилизации. Речь идет в первую очередь о традиционных семейных ценностях: чадородие и многодетность, святость человеческой жизни, уважение к старшим, защита младших, главенствующая роль мужчины-воина, мужчины-труженика, почитание женщины-матери, «рыцарское» отношение к женщине, нелицемерная любовь к детям, целомудрие и супружеская верность, знание и культ родословной.

мы полагаем, это должны быть совершенно новые люди, никак не связанные с теми, которые определяли культурную политику в прежние годы. Чем меньше будет оставаться старых кадров, тем ошутимее станет эффект от новой культурной политики. Не надо жалеть никого из чиновников, «профессиональных философов» и «бизнесменов от культуры». Жалея старые кадры, мы не жалеем народ. Нам нужны традиционалистски ориентированные, высококвалифицированные, очень вежливые люди. Вежливые люди от культуры, про которых будут с такой же симпатией, как про других вежливых людей, действовавших в Крыму, писать в демотиваторах: «Не хватает культурки? Вежливые люди уже выехали». Но не хотелось

бы по такому важному вопросу всего лишь отшутиться. При Государственной Думе и при администрации президента следовало бы создать комитеты, включающие в себя экспертные и рабочие группы, наделенные самыми широкими полномочиями. Все знаки времени указывают на неизбежно приближающееся силовое разрешение конфликта культур-цивилизаций, а с этим поколением мы не сможем одержать в нем победу. Нет силы там, где внутренние основания неустойчивы. Времени остается бесконечно мало. На восстановление того, что разрушали четверть века, у нас нет такого же количества времени. Поэтому действовать нужно быстро, засучив рукава и не церемонясь. Но вежливо.